

ТРУДЫ
КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

1909.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С л о в о

въ день поминовенія всѣхъ учившихъ и учившихся въ
Кіевской духовной Академіи ¹⁾).

„Поминайте наставники ваши“
(Евр. XIII, 7).

Сегодня у насъ день молитвеннаго поминовенія отошедшихъ въ вѣчность наставниковъ и питомцевъ нашей школы. Когда во время богослуженія по братскому поминику возглашаются—одно за другимъ—имена усопшихъ дѣятелей нашей Академіи, предъ нашимъ умственнымъ взоромъ возстаютъ, какъ живые, образы этихъ дѣятелей, раскрываются лѣтописи нашей школы, проходитъ въ лицахъ вся исторія ея. При свѣтѣ этихъ воспоминаній, распределенныхъ въ надлежащей исторической перспективѣ, выясняется все значеніе нашей школы, за время ея почти трехвѣковаго существованія, въ судьбахъ нашей церкви, въ исторіи отечественнаго просвѣщенія.

При тяжелыхъ, можно сказать,—исключительныхъ обстоятельствахъ жизни юго-западной Россіи возникла наша школа. Искони русскій и православный, юго-западный край, со времени люблинской уніи, вошелъ въ составъ польскаго государства. Политически прикрѣпленный къ Польшѣ, онъ не порывалъ духовно-нравственной связи съ сѣверо-восточ-

¹⁾ Произнесено 31 декабря 1908 г. въ соборной церкви Кіево-Братскаго монастыря.

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

ной Россіей. Единство вѣры и языка, сходство въ нравахъ, обычаяхъ, во всемъ бытѣ и укладѣ жизни заставляло его тяготѣть къ сѣверо-восточной Россіи и видѣть въ ней надежду на освобожденіе отъ чужеземнаго гнета. Это тяготѣніе нашего края къ московскому государству не могло укрыться отъ взоровъ польскаго правительства и побуждало его принимать мѣры къ болѣе тѣсному сліянію этого края съ коренною Польшею. Руководящіе круги польскаго общества не могли не видѣть той внутренней, неразрывной связи, какая существовала между православною вѣрою и національною самобытностію русскаго народа. Православная вѣра укрѣпляла русское государство въ начальную пору его существованія. Православная вѣра служила для русскаго народа источникомъ утѣшенія въ годину тяжелыхъ государственныхъ и общественныхъ испытаній и находила себѣ отраженіе во внѣшнемъ бытѣ и внутреннемъ складѣ жизни русскаго человѣка. Безъ преувеличенія можно сказать, что православіе служило и служить щитомъ національной самобытности русскаго народа. И вотъ противъ этой святыни народной направило свои удары вдохновляемое латинскимъ духовенствомъ польское правительство. Чрезъ отторженіе православныхъ южно-руссовъ отъ ихъ прародительской вѣры, чрезъ приобщеніе ихъ къ латинству, надѣялись погасить въ нихъ сознаніе единства ихъ по вѣрѣ и народности съ сѣверо-восточною Россією, обратить ихъ въ одну вѣру съ поляками, слить ихъ въ одинъ народъ съ поляками и такимъ образомъ связать неразрывными узами юго-западную Россію съ Польшею. Въ этихъ видахъ латиняне стали распространять въ нашемъ краѣ сочиненія, въ которыхъ доказывали превосходство латинства предъ православіемъ, возводили на него, къ немалому смущенію православныхъ, всякія клеветы и напраслины. Латино-польское духовенство, сильное поддержкою правительства и пановъ, захватило въ свои руки воспитаніе подрастающаго поколѣ-

нія южно-руссомъ и вѣдряло въ юныя сердца ихъ привязанность къ латинству, ненависть къ православію. Правительство подвергало православныхъ всякаго рода обидамъ и притѣсненіямъ. Въ тяжелую годину этихъ испытаній многія знатныя фамиліи южно-руссомъ измѣнили вѣрѣ и національности своихъ отцовъ, перешли въ латинство и ополчались. Не устояли отъ соблазна многіе члены высшей православной іерархіи. Волны латинства и полонизма грозили поглотить православіе и русскую народность въ нашомъ краѣ. Сознаніе опасности способствовало подъему силъ въ мѣстномъ обществѣ и вызвало его на борьбу съ латино-польскою пропагандой. Во время этой борьбы южно-руссомъ за православную вѣру и національную самобытность возникла наша школа и стала на стражѣ той и другой. Латиняне были сильны своимъ образованіемъ, своимъ воздѣйствіемъ на народъ путемъ литературы и школьнаго воспитанія подрастающаго поколѣнія. Православнымъ южно-руссомъ необходимо было позаботиться уравнять себя въ средствахъ борьбы съ латино-польскою пропагандой, необходимо было заводить свои школы, содѣйствовать развитію своей богословской науки. Въ этихъ видахъ основана была наша Академія. Она должна была служить разсадникомъ просвѣщенія въ духѣ православной вѣры, должна была выступить поборницей національной самобытности русскаго народа. Эту высокую задачу, возложенную исторіей на нашу школу, она выполнила съ большимъ успѣхомъ, великою честію и достоинствомъ. Въ нашей школѣ, путемъ научныхъ пріемовъ, изучались и оправдывались истинныя православной вѣры, отстаивались историческія права юго-западнаго края на самобытное развитіе, неуклонно проводилась мысль объ изначальномъ, религіозномъ и національномъ, единствѣ его со всею Россіей. Такъ наша Академія, уже вскорѣ послѣ своего основанія, выдвинула изъ среды своихъ наставниковъ и питомцевъ ревностныхъ борцовъ за

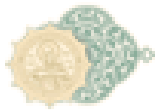
православную вѣру и національную самобытность русскаго народа, имена которыхъ записаны на страницахъ русской исторіи и съ благодарностію воспоминаются признательнымъ потомствомъ. Кому не извѣстны труды въ этомъ направленіи кіевскихъ ученыхъ—Иннокентія Гизеля, Іоаннікія Голытовскаго, Лазаря Барановича, Епифанія Славинецкаго и многихъ другихъ? Благодаря ихъ усиліямъ, спасено православіе въ юго-западной Россіи, отражены попытки ополячить нашъ край.

Но просвѣтительная дѣятельность старой Академіи не ограничивалась предѣлами нашего города и Юго-Западнаго края, она простиралась на всю Россію и даже за предѣлы ея. Со времени присоединенія Малороссіи къ Россіи, болѣе спокойное теченіе государственной жизни даетъ нашей школѣ возможность шире раздвинуть свои научныя задачи и ввести въ преподаваніе предметы, входящіе въ кругъ всесторонняго научнаго образованія. Наша Академія радушно открываетъ двери для стекавшагося къ ней со всѣхъ концовъ Россіи юношества всѣхъ званій и состояній и нерѣдко насчитываетъ въ своихъ стѣнахъ свыше тысячи воспитанниковъ. Долгое время наша школа была единственнымъ для всей Россіи разсадникомъ просвѣщенія, не только духовнаго, но и свѣтскаго, и обслуживала собою то, что теперь раздѣлено между семинаріями и академіями, гимназіями и университетами. Въ этомъ отношеніи она оказала Россіи великую культурную услугу и выдвинула изъ среды своихъ наставниковъ и питомцевъ дѣятелей, съ честію послужившихъ на разныхъ ступеняхъ служенія Церкви и отечеству. Изъ нѣдръ ея вышли ряды поборниковъ просвѣщенія—пастырей церкви, проповѣдниковъ полемистовъ, обличителей раскола, самоотверженныхъ миссіонеровъ, пронесшихъ свѣтъ ученія Христова въ предѣлахъ отдаленной Сибири, достигавшихъ Tobольска, Иркутска и Амура. Наша Академія выдвинула цѣлый сонмъ архипастырей, ревностно

послужившихъ устроению церковныхъ дѣлъ въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества. Нѣкоторые изъ нихъ, получивъ широкую извѣстность своею ученостію и занималъ высшія мѣста въ іерархіи, въ эпоху реформъ Петра Великаго оказали большія услуги и государству, являясь пособниками великаго преобразователя и истолкователями его мудрыхъ начинаній. Таковы—Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы имѣемъ утѣшеніе видѣть своихъ молитвенниковъ и ходатаевъ предъ престоломъ Всевышняго. Таковы святители: Дмитрій Ростовскій, Иннокентій Иркутскій, Ѳеодосій Черниговскій, стяжавшіе своими подвигами любви и милосердія благоволеніе въ очахъ Божіихъ. Въ тѣсной связи съ судьбами нашей Академіи стоитъ устроеніе другихъ духовныхъ школъ въ нашемъ отечествѣ. Пришедшая было въ упадокъ славяно-греко-латинская Академія была преобразована и вызвана къ новой жизни усиліями Киевскихъ ученыхъ. Не одинъ десятокъ лѣтъ она находилась подъ вліяніемъ нашей Академіи, отражая въ себѣ типъ и характеръ ея. По типу же нашей школы и при ближайшемъ участіи питомцевъ ея, возникали во многихъ мѣстахъ нашего отечества духовныя семинаріи и училища, являясь своего рода „колоніями“, отростками отъ ствола нашей школы. Какъ смотрѣли тогда на вліяніе нашей школы въ указанномъ направленіи, это видно изъ слѣдующихъ словъ Смоленскаго епископа Гедеоны: „изобиловала всегда учеными людьми Академія Кіевская и имѣла себѣ честь сщцевую, что отъ нея... вся Россія источникъ премудрости почерпала и *вся своя новозаведенныя училищныя колоніи напоили и израстила*“. Воспитанники нашей Академіи вызывались въ разное время цѣлыми десятками въ учителя народныхъ школъ и для пополненія курсовъ высшихъ учебныхъ заведеній. Изъ числа послѣднихъ (воспитанниковъ) нѣкоторые стяжали себѣ извѣстность своими учеными и литературными трудами. Съ именемъ старой Академіи связа-

но первоначальное воспитаніе такихъ государственныхъ дѣятелей время царствованія Екатерины II и Александра I, какъ канцлеръ Безбородко, первый министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій, министръ удѣловъ и юстиціи Трошинскій. Наконецъ, старая академія ранѣе другихъ школъ пришла на помощь въ дѣлѣ религіознаго просвѣщенія бѣдствовавшихъ единовѣрцевъ нашихъ въ Молдавіи, Валахіи, Сербіи и Греціи. Здѣсь воспитанники ея занимають почетное мѣсто въ ряду устроителей школъ, среди ученыхъ и пастырей церкви.

Новая Академія съ чувствомъ полного удовлетворенія взираетъ, какъ на все расширяющейся и расширяющейся нивѣ народнаго образованія нашего отчества появляются все новыя и новыя высшія школы и раздѣляютъ съ нею трудъ, который старая Академія долгое время несла одна на своихъ плечахъ. Она чужда зависти къ своимъ новымъ соработницамъ; напротивъ, въ появленіи ихъ она почерпаетъ отрадное чувство увѣренности, что цосѣянные старой Академіей нѣкогда сѣмена дали плодъ многъ. Новая Академія остается вѣрна завѣтамъ старой Академіи, но она выступаетъ на свое дѣланіе при нѣсколько иныхъ обстоятельствахъ, обуславливаемыхъ необходимостію болѣе равномернаго распредѣленія труда. Изъ всеучилища, вмѣщавшаго въ своихъ стѣнахъ порою свыше тысячи питомцевъ разныхъ званій и состояній, съ программю наукъ, обилмавшего, по возможности, всѣ предметы общаго и духовнаго образованія, она преобразуется въ высшее духовно-учебное заведеніе, съ сотнею избранныхъ по своему развитію воспитанниковъ духовнаго происхожденія, съ яснѣе опредѣленнымъ кругомъ общеобразовательныхъ и богословскихъ наукъ, съ высшими требованіями научнаго знанія. Новая академія замыкается въ сущившемся такимъ путемъ кругъ своей дѣятельности и сосредоточиваетъ вниманіе на своей непосредственной задачѣ—научной разработкѣ богословскаго знанія.

Она идетъ въ уровеньъ научныхъ требованій своего времени, восходитъ отъ силы въ силу и выдвигаетъ изъ своей среды такихъ дѣятелей богословской науки, которые могутъ служить украшеніемъ любой высшей школы не только у насъ, но и на Западѣ, богатомъ научнымъ опытомъ и силами. Вспомнимъ первенца новой Академіи, престопамятнаго Иннокентія Херсонскаго. Его знаетъ вся читающая Россія. Память о немъ долго будетъ жить въ сознаніи народномъ. Его имя, какъ глубокомысленнаго богослова, а особенно, какъ великаго проповѣдника, стяжало ему неувядаемую славу. Вспомнимъ нашихъ историковъ — митрополита Макарія (Булгакова) и Ивана Игнатьевича Малышевскаго, оставившихъ своими учеными трудами глубокія борозды на нивѣ церковно-исторической науки. Вспомнимъ недавно отошедшаго въ вѣчность преосвященнаго Сильвестра, догматическая система котораго составила цѣлую эпоху въ исторіи православной догматики. Вспомнимъ другихъ дѣятелей нашей Академіи. Они высоко держали знамя науки и своими изслѣдованіями внесли цѣнный вкладъ въ сокровищницу отечественнаго богословія.

Движимые чувствомъ безпредѣльной благодарности къ усопшимъ дѣятелямъ нашей школы за ихъ труды на пользу Церкви и отечества, вознесемъ горячіи молитвы къ Богу объ упокоеніи ихъ душъ въ нѣдрахъ авраамлихъ. Милосердный Господь да украситъ ихъ *„вѣнцемъ славы“* за подвиги ихъ земной жизни. Память о нихъ пусть живетъ вѣчно въ сердцахъ признательнаго потомства, передаваясь изъ рода въ родъ.

Н. Мухинъ.